чем Порта. Кроме того, пример Чехии в эпоху «тьмы» показывает, что габсбургская и католическая реакции были столь же опасны, как и турецкое нашествие.

Квирин Кульман не был чехом и славянином вообще; он не был даже членом общины «чешских братьев». Однако он был евангелистом, поэтому разделял те взгляды, которые были у идеологов «чешских братьев» общими со взглядами представителей других евангелических течений. Кроме того, он был хилиастом, а в пророчествах Коттера, Понятовской, Драбика и Мелиша не раз говорилось о тысячелетнем царстве Христовом. Кульман, таким образом, стремясь выполнить в Москве собственные планы, становился и выразителем политической программы «чешских братьев».

Кульман превосходно знал книги Коменского: он приехал в Амстердам всего лишь три года спустя после того, как там умер этот выдающийся чешский писатель и педагог. Мысль о путешествии к «северному народу» созрела у Кульмана под влиянием знакомства с живописцем Отто Генином, уроженцем московской Немецкой слободы, отец которого служил в чине полковника царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу и погиб под Вильно.

Отто Генин учился в Англии живописи, и в 1679 г. в Лондоне с ним познакомился Кульман. Через пять лет они снова встретились, но на этот раз в Амстердаме. Из розыскного дела явствует, что именно тогда Кульман расспрашивал Генина о Московском государстве, и последний уверил его в том, что оно «славно и людно и всем изобильно и что ученых людей з нем любят и приемлют».

Генин вернулся в Москву в мае 1688 г. в обозе московского посла к Людовику XIV Я. Ф. Долгорукого. Из Москвы живописец отправил в Амстердам бывшему своему домохозяину письмо, в котором сообщал об успешном завершении поездки. Содержание этого письма стало известно Кульману. Но еще раньше, в 1678 г., он отпечатал сто экземпляров «Kühl-Jubel» — «Прохладительного торжества», прямо адресованного «an Ihre Czarische Majestaten» — к их царским величествам Иоанну, Петру и Софье. Именно эта брошюра фигурировала затем в «Розыскном деле». Кульман, по-видимому, еще не решался ехать в Москву, памятуя о своей неудачной попытке воздействовать на турецкого султана. Сначала он отправил Генину свое «Прохладительное торжество», чтобы тот передал брошюру «великим государям». Генин, однако, сделать это не рискнул. В декабре 1688 г. Кульман послал через Архангельск шесть книг, в том числе «Свет из тьмы» Коменского, и снова настаивал, чтобы его московский знакомец преподнес их царям. Живописец посоветовался со своими друзьями из Немецкой слободы и опять не решился исполнить просьбу Кульмана. Генин, впрочем, роздал книги некоторым жителям слободы.

В апреле 1689 г. дьяк Андрей Виниус переслал Генину новое письмо Кульмана. Напуганный художник вообще отказался его принять. Но вслед за письмом в слободе появился и сам Кульман, уже 1 апреля бывший в Пскове.

Кульману не пришлось передать царям свои сочинения, хотя время для этого у него было. Возможно, что после непосредственного знакомства с обстановкой в Москве Кульман счел рискованным сообщать о своих планах русским властям: действительно, агитировать в ту пору за союз с Турцией и Швецией против Польши и Империи было более чем неуместно. Возможно также, что Кульман на первое время удовлетворился деятельностью в Немецкой слободе; здесь он частью нашел, а частью навербовал сторонников. Как бы то ни было, «тетради и письма печатные» Кульмана стали известны правительству только во время розыска.